

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФЕНОМЕНА «СВОБОДА СОВЕСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

В течение целого ряда лет лекцию о свободе совести мы предвараем опросом студентов о том, что они знают об этой политико-правовой категории. Как правило, чётко сформулировать её теоретическое содержание никто не может. С одной стороны, можно отреагировать на это неведение как на свидетельство недостаточной осведомлённости наших граждан в столь важной сфере жизнедеятельности общества, ведь студенты — это одна из лучших в смысле образованности категорий населения. Больше знать могут лишь получившие высшее образование, но и в этой среде знания об основных правах человека чаще всего находятся на уровне обыденного сознания. С другой — подобное поведение может служить демонстрацией того, что собственно со свободой совести у большинства нами опрошенных студентов просто не было никаких проблем. А из этого можно сделать вывод о весьма благоприятной в этом отношении политико-правовой ситуации в стране, где людям (по крайней мере, большинству из них) предоставлена реальная возможность осуществлять свою свободу совести, независимо от того, насколько они разбираются в её теоретическом содержании.

Но ведь если посмотреть на сложившуюся в обществе ситуацию еще и с третьей стороны, то можно не менее обоснованно предположить, что в нём за годы независимости просто не сложился в достаточно репрезентативной пропорции соответствующий слой населения, для которого демократические правовые ценности имели бы практическое значение. Собственно, именно об этом свидетельствуют результаты исследования «Осознанность украинского выбора», осуществлённого Институтом Горшенина: «Так, всего 46% украинцев считают, что свобода слова имеет для них какую-то практическую ценность, а 40% указало на право свободного передвижения и выбора места жительства. Правом открыто выражать своё мнение о политике и власти дорожат только 35%, а возможностью голосовать на выборах по своему усмотрению — каждый третий... Свобода предпринимательства... имеет практическое значение только для каждого четвёртого гражданина страны» [1, 6]. Хотя в цитируемом сообщении речь не идёт о свободе совести, общий вывод о том, что «в Украине нет сколько-нибудь значимой группы людей, которая бы нуждалась в демократии. Таких людей не более 10%. Остальное общество не понимает ни что такое демократия, ни что она даёт: ...то, что не понимаешь, то и не ценишь» [1, 6] имеет, безусловно, прямое отношение к характеризующей нами конкретной свободе. В приведённых материалах подобное отношение граждан Украины к правовым ценностям демократического общества комментируется лишь тем, что в сознании украинцев по-прежнему сильны рудименты «советского» образа мысли.

На самом деле и в СССР люди боролись за права человека, и если не в своей стране, где в действительности тех, кто за них выступал, называли «диссидента-

ми» (кстати, как известно, данный термин возвращает нас к истории становления в Европе свободы вероисповедания, в борьбе за которую так называли инаковерующих, порвавших с официальной церковью), то уж точно за права трудящихся, угнетаемых буржуазией во всём мире. Говорить вообще о какой-либо демократической традиции, сложившейся на Украине в период, предшествовавший Советскому Союзу, не позволяет вся её история в целом. Правда, в критические периоды лозунгами демократической направленности бывало подвигали массы людей на борьбу за свои права, но очевидно, что их неукоренённость в сознании большинства участников революционных волнений не позволила воплотить в реальной действительности правовые ценности.

Потому и правомерно говорить не столько о самой полноте аксиологического содержания в реализации анализируемой свободы, сколько о потенциале свободы совести применительно к современной украинской действительности.

Разумеется, её полное осуществление возможно только в совокупности со всеми иными правами и свободами человека. Но в рамках нашей статьи мы всё же сосредоточимся только на свободе совести как отдельном феномене.

В этом смысле очень любопытны некоторые умозаключения экспертов, заседавших за «круглым столом», организованным Религиозно-информационной службой Украины по случаю 15-летия независимости Украины, состоявшимся 30 августа 2006 года в отделении религиоведения Института философии НАН Украины на тему: «15 лет независимости: состояние религиозной свободы в Украине». Хотя одно замечание, перед тем как предоставить слово экспертам, всё же, на наш взгляд, сделать надо. Обратите внимание на тему, которую предложили обсуждать. Хотя религиозная свобода важная составляющая свободы совести, но последняя к ней не сводится. Почему за 15 лет термин «свобода совести» был вытеснен из актуальных, требует особого разговора? Поэтому обратимся пока лишь к аксиологическому потенциалу одной из его составляющих.

Доктор философских наук, профессор, заведующая отделом религиозных процессов в Украине Института философии НАНУ, исполнительный директор центра религиозной информации и свободы Украинской ассоциации религиоведов А. А. Филиппович считает, что за годы независимости состоялась реабилитация религии в общественном и индивидуальном сознании, религия вышла из подполья, стала реальностью, возможной перспективой, завоевывает духовный и моральный авторитет, разнообразилась, укрепились, институционализировались и конфессионализировались. Повысилась самооценка и самосознание верующих. Государство признало право на существование более 35 тысяч религиозных организаций. В свою очередь религиозные организации самоосознали себя как духовно и социально полезные для общества структуры.

Однако, замечает Л. А. Филиппович, через доступность религии теряется её сакральность. «Своеобразная демократизация религиозной жизни грозит, как по мне, популизмом, случайностью, примитивностью, диким энтузиазмом, излишними внешними манифестациями и т.п. Теряется глубина сущности религии... очень беспокоит своеобразный конформизм церкви. Мы видим, что появилась зависимость вечной церкви от временной власти [2, 3].

На вопрос ведущего «круглого стола» о перспективах религиозной свободы эксперт заметила, что до сих пор эта свобода воспринималась как дар и воспринималась не очень осознанно, ибо для нашей страны она не является результатом осознанного выбора или борьбы за право на этот выбор. Религиозная свобода, по мнению Л. А. Филиппович, до сих пор существует как определённый слоган, а не как реальное дело. Поэтому нужно создать как можно больше охранительных, консультационных информационных институций в защиту свободы совести [2, 3].

В. Е. Еленский, доктор философских наук, президент Украинской ассоциации религиозной свободы отметил в качестве ценности, представленной в осуществляющейся свободе религии: возможность свободно высказывать свои религиозные убеждения; создание, формирование и дальнейшее развитие национальных форм религиозной жизни; достижение довольно высоких стандартов в обсуждаемой сфере общественных отношений, возможно, наиболее высоких не постсоветском пространстве; избежание кровавых столкновений на религиозной почве, которые прогнозировались экспертами во второй половине 80-х годов. «В общем, главный мой тезис: «Украинское общество, религиозная сфера в украинском обществе за 15 и более лет развивались очень естественно» [2, 9], «Украина в том месте, где она должна быть — а именно, между западно-христианской культурой и культурой восточно-византийской или византийской» [2, 11].

Доктор философских наук, советник секретариата Президента Украины А. Н. Саган в качестве ценностных обретений осуществления свободы религий назвал активное включение всех церквей в социальную работу, появление общественных институтов, которые пропагандируют ценности религиозной терпимости. К недостаткам эксперт отнёс отсутствие концепции государственно-церковных отношений, то, что не смогли до сих пор выйти на европейскую модель взаимоотношений церкви и государства. Для этого необходимо «...чтобы поменялось сознание, как у чиновников, так и в церковной среде... Я согласен с тем, что вера не стала императивом поведения верующих... способ жизни может быть абсолютно противоположный... нормам, заключённым в религии» [3, 2].

Леся Коваленко, доктор права, заместитель директора Института религии и общества Украинского католического университета, высказываясь о перспективах религиозной свободы в Украине, предположила, что эта свобода станет более персоналистской, в центре любого диалога будет человек и его права, его достоинство, а не тот институт, в котором он ищет реализацию этих прав. Религиозная свобода станет конкретней в своём правовом аспекте, а религиозное образование, которое должно быть альтернативным, не должно быть государственным [3, 6–7].

Эксперты также обращали внимание на нерешённые проблемы в реализации свободы веры, конфликтные ситуации на религиозной почве, религиозную zaangażированность государственных служащих и политическую — церковников, о необходимости расширения межрелигиозного диалога, о политических осложне-

ниях настоящего времени, не позволяющих своевременно реагировать на актуальные вопросы осуществления свободы религии в стране, и т.д. и т.п. Интересно отметить также, что религиозные организации начали активно обращаться в суды в защиту своих прав (однако, главным образом, имущественных) [3, 13].

Общий кризис правовой системы в нашей стране коснулся и такой ценности демократического правового государства, как верховенство права. Одним из экспертов было отмечено, что только во Львовской области из 200 решений по искам религиозных организаций больше 100 не было исполнено [3, 14].

Как видно из приведённых выше материалов «круглого стола», аксиологический потенциал религиозной свободы действительно, в определённых пределах, реализуется в Украине, причём даже эксперты, на деле знакомые со всеми проблемами, с которыми столкнулась Украина в этой сфере воспроизводства общества, констатируют, насколько он есть и может быть позитивным в процессе становления демократического государства.

Однако вернёмся к нашему вопросу, предшествовавшему изложению умозаключений экспертов. Почему предметом обсуждения стала религиозная свобода, а не свобода совести. Ведь принятый в 1991 году Закон Украины в этой области взаимодействия государства и церкви называется «О свободе совести и религиозных организациях». Конечно, прежде всего, можно указать на тот факт, что в принятой в последствии Конституции Украины термин «свобода совести» отсутствует. Но ведь открытым остаётся вопрос, почему он исчез оттуда. Так вот, на наш взгляд, и цитированные выше материалы подтверждают вывод о том, что реально в нашей стране свобода совести ещё не состоялась. Как не было её в СССР, хотя там она была юридически закреплена на самом высоком правовом конституционном уровне.

Правда, чиновники и правовые инстанции на деле руководствовались сборниками нормативных актов под названием «Законодательство о религиозных культах». Само наименование может свидетельствовать о содержании правовых норм, сводившихся к ограничению самореализации верующих и религиозных организаций в осуществлении свободы совести. Но обладали ли свободой неверующие в СССР? Формально, конечно, ибо их право на свободу совести (как и верующих, кстати,) тоже было закреплено в Конституции. Но любая свобода в тоталитарном государстве, каким и был СССР, по определению и может быть только формальной. Конечно, это не было очевидностью для многих граждан бывшего Советского Союза, боровшихся, как мы уже отмечали, за права трудящихся во всём мире, слушавших на многочисленных политинформациях выступления о нарушении этих прав в капиталистических странах. Но насколько глубоко содержание ценностей правового государства проникло в сознание нашего народа, мы можем судить по той значимости, которую они имеют у него сейчас.

За свою историю «свобода совести» в Европе прошла тернистый путь от «*protestatio*» (лат. протест) маленькой группы суверенов немецких государственных образований в 1529 году на рейхстаге в Шпеере, не согласившихся с отменой права: «чья земля, того вера», предусматривавшего права немецких князей на свободу веры, до политического требования свободы вероиспове-

дання для всіх громадян, релігійної свободи і свободи від релігії. На якому з цих етапів розвитку політико-правової категорії «свобода совісті» знаходиться Україна, однозначно відповісти складно. Все «за» і «проти» (головне, на наш погляд) ми освітили в підручнику [4, 392–413]. Але, навіть виходячи з усього вищесказанного тут, можна зробити висновок, що за роки незалежності наша країна з усього аксіологічного потенціалу свободи совісті реалізує в основному лише свободу віри, яка, в свою чергу, також здійснюється на фоні всіх соціальних суперечностей, в тому числі і антагоністичних, супротивляючих становлення суверенного державства.

Роздумуючи про перспективи розвитку української системи державно-церковних відносин після утвердження конституційної норми про свободу світоглядання і віросповідання, В. Е. Еленський обґрунтовано попереджає, що вважати принципові основи цих відносин такими, що вже закріплені, є справою минулого, тому що діюча Конституція передбачає зміни в підзаконних актах, а яким буде зміст нового законодавства про свободу совісті, складно передбачити [5, 8].

Література

1. Демократичні цінності ... не в ціну // Зеркало тижня. — 2007. — 13 жовт.
2. http://www.risu.org.ua/freedom/analytics/religfreedom_15years/01/
3. http://www.risu.org.ua/freedom/analytics/religfreedom_15years/02/
4. Релігієзнавство: Підруч. посібник / Під ред. П. К. Лобазова. — Х.: Одиссей, 2005. — Розд. 16.
5. Слесарський В. Перспективи розвитку української системи церковно-державних відносин // Релігійна свобода: гуманізм і демократизм законодавчих ініціатив в сфері свободи совісті (міжнародний і український контекст): Наук. збірн. / За заг. ред. А. Колодного і О. Сагана. — К., 2000.

УДК 347.97/99.001.76(477)

В. В. Кривенко

ФОРМУВАННЯ СКЛАДУ КОЛЕГІАЛЬНИХ УПРАВЛІНСЬКИХ СТРУКТУР У СУДОВІЙ СИСТЕМІ І ПРОБЛЕМИ ЇХ УДОСКОНАЛЕННЯ

Демократичний характер колегіальних управлінських структур значною мірою обумовлений ступенем демократизму їх формування. Одні з них діють як форми безпосередньої демократії (збори суддів), інші — як органи представницької демократії, оскільки до їх складу входить лише частина суддів, які працюють у відповідних судах (президії, пленуми судів, конференції суддів, з'їзд суддів України, рада суддів. Рада суддів України).

Своєрідний (змішаний) характер має спосіб формування пленумів вищих спеціалізованих судів та Верховного Суду України. З одного боку, до їх складу входять усі судді відповідних судів, що є характерним для форм безпосередньої демократії. Риси ж представницьких органів пленумам надає включення